

Интервью, опубликованное в журнале «Ле Монд де ля мюзик» («Мир музыки»), в 1995 году

Беседу вели Франсуа Лафон и Филипп Вентурини

Евгений Светланов

Дирижёр – монументалист

После того, как ушёл из жизни Мравинский, в роли священного идола русского дирижёрского искусства остался Евгений Светланов. Вместе с Государственным Академическим Симфоническим Оркестром России, из которого он сделал одну из самых замечательных «музыкальных машин» современности, он исполняет с 18 по 25 января произведения Чайковского, Малера и Скрябина в Руане, Париже, Тулузе и Метце.

ЛЕ МОНД ДЕ ЛЯ МЮЗИК – Существует ли русская школа дирижёрского искусства?

ЕВГЕНИЙ СВЕТЛАНОВ – Да. Она возникла в начале XX века, перед революцией. В начале деятельности её была более насыщена, и во главе её стоял замечательный педагог - Александр Гаук. Евгений Мравинский, Мелик-Пашаев были его учениками.

А был ли сам Гаук носителем традиции? Часто приходится слышать о соперничестве между Москвой и Петербургом.

- Существуют действительно характерные черты, особенности, позволяющие искущённому уху определить происхождение того или иного музыканта, но это почти из области гадания.

Есть ли у Вас преемники?

- К моему великому сожалению, у меня нет времени преподавать. Да и призвания педагога у меня тоже нет. Очень часто хорошие преподаватели бывают посредственными исполнителями, а имеющие успех исполнители, не имеют способностей к преподаванию. И проблема в том, что очень часто знаменитых исполнителей просят преподавать, не заботясь об их педагогических данных.

А как Вы научились дирижёрскому искусству?

- Официально – в Московской Консерватории у Гаука. Но моя собственная техника у меня от природы. Гаук научил меня вслушиваться в музыку и глубже изучать русскую музыку. Он также познакомил меня с западно-европейской музыкой, знатоком которой был сам.

Вы - композитор и дирижёр. С чего Вы начали и к чему Вы хотите прийти?

- Всё началось одновременно. Я начал заниматься фортепиано с шести лет. В десять лет я стал сочинять небольшие пьески. В этом возрасте я дирижировал сам для себя перед зеркалом, слушая радио или диск на граммофоне моих родителей.

Являетесь ли Вы «молчаливым дирижёром» или Ваша методика – объяснять интерпретацию музыкантам?

- Я пытаюсь говорить как можно реже. С годами я научился молчанию. В идеале дирижёр должен быть нем..., но не глух!

Вы продирижировали много опер в Большом Театре, а затем отошли от этого жанра.

- Я начал свою карьеру в качестве ассистента Гаука с Большим Симфоническим Оркестром Радио СССР. Это Гаук порекомендовал меня в Большой театр, где я проработал десять лет, сначала ассистентом дирижёра, а затем главным дирижёром. Здесь я продирижировал весь репертуар. Я очень люблю оперу. Я поставил и продирижировал *Отелло*, *Китеж* и т.д. Я очень люблю дирижировать балетами, особенно Чайковского.

На западе дирижировать балетами, кроме «Весны священной» и «Дафниса и Хлои», считается недостойным крупного дирижёра.

А у нас – наоборот.

Вы знамениты тем, что особенно любите русскую музыку, скорее, грандиозного жанра, начиная с Чайковского и кончая Рахманиновым. А есть ли у Вас «тайный сад»?

- Если он тайный, то я Вам ничего о нём сказать не могу.

А если серьёзно, то у меня наконец появились возможность и время играть Малера, которого я всю жизнь любил. Я поставил перед собой цель записать полную антологию русской музыки, и эта работа заняла у меня двадцать пять лет. Я завершил её только в 1992 году.

Вы знали Шостаковича?..

- Это был исключительный человек, с которым я пережил незабываемые моменты. Он давал полную свободу исполнителям своих произведений. Когда я говорил ему, что не чувствую того или иного пассажа, он отвечал : *«Не надо смотреть в партитуру. Я могу ошибиться в процессе. Играйте так, как Вы чувствуете. Не придерживайтесь написанного.»* Не многие композиторы оказывают такое доверие исполнителям. А критиковал он крайне деликатно: *«Извините, это немного быстровато, или громковато, или rubato немножечко чересчур и т.д.»* и добавлял *«Но это мне только так кажется, я готов согласиться с противным.»*

А Вы сами, как композитор, либеральны в такой же степени?

- Да, я так рад слышать, когда музыканты играют мою музыку со всей душой и старанием, что сам становлюсь с ними исполнителем, понимающим их проблемы и ищущим решения этих проблем, а не композитором, страдающим от искажения своей мечты.

Вы также знали Прокофьева?

- Он был полным антиподом Шостаковичу. Он очень точно знал, чего хотел от исполнителя, и пока ни добивался своего, в покое его не оставлял. Вместе с тем он был крайне деликатен и уважителен по природе.

А есть ли сейчас в России новые интересные композиторы ?

- Они были всегда, но сейчас стало очень трудно работать – полная анархия далеко не благотворна для творчества. Великие страдания, может, и приносят вдохновение, но только после. В данный момент, главное, - выжить.

Есть ли реальная угроза оркестрам?

- Да, многим из них. Мой и несколько других выживают только за счёт спонсоров и зарубежных гастролей. Оркестры, пользовавшиеся поддержкой государства, а также небольшие коллективы, неспособные заинтересовать спонсоров и организаторов гастролей, уже погибли.

Средний возраст музыкантов в Вашем оркестре достаточно велик. Сильно ли изменялся коллектив?

- Со времён моего первого концерта в 1954 году в оркестре осталось только пять человек. Сегодняшняя политическая и экономическая ситуация сложна. И поэтому музыканты ищут место получше. Михаил Плетнёв сумел привлечь много людей в свой новый Национальный Оркестр России, пообещав им гастроли, валюту и записи. Многие музыканты покинули Большой театр и Московскую Филармонию. Я сам потерял двенадцать музыкантов. Моя первая флейта ушла в Московский Ансамбль, финансируемый японской сектой Аум. И таких примеров - масса.

Меняете ли Вы расположение оркестра в зависимости от репертуара?

- Мы давно уже не меняем нашей привычной диспозиции : первые скрипки и виолончели – слева, альты и вторые скрипки - справа. Это позволяет получить натуральный стереофонический эффект.

В качестве какого типа организации работает сегодня Ваш оркестр?

- Благодаря Народному Банку Москвы, как частное предприятие. Но оркестр остаётся на попечении государства, вклад которого хоть и минимален, как и во всё, что касается области культуры. Что не помешало ему, однако, возвести очень дорогостоящий памятник в честь пятидесятой годовщины победы над фашизмом.

Сейчас гастролитрует много так называемых «русских» оркестров весьма посредственного уровня. Вы считаете, что это происходит по вине импрессарио?

- Да. Некоторые из них, в большинстве своём, появившись после распада коммунизма, пользуются ситуацией. Как и везде, плохой оркестр стоит дешевле хорошего. Импрессарио, пользуясь этим, занимаются надувательством публики и зарабатывают на этом деньги. Но я остаюсь оптимистом и верю в то, что качество возьмёт верх.

Как западных артистов принимают в России?

- Многие практически отказываются от гонорара, до того им хочется сыграть в России. И кто бы это ни был – успех громаден. Годы железного занавеса, не позволявшие им приезжать, превратили их в глазах публики в мифологических героев. Это, конечно, не в пользу гарантии высокого уровня, но здесь уж публика сама сумеет отличить пшеницу от плевел.

Вы смотрите на будущее с оптимизмом?

- Так лучше. Нам, наверное, не увидеть улучшений. Может их увидят наши дети. Как написал Эдгар По : *«После дней заблуждения – наступает возрождение.»*

Считаете ли Вы создание антологии русской музыки политическим актом?

- Да, таким образом увековечено наследие и оставлено свидетельство того, что любая революция должна опираться на прошлое, а не отвергать и уничтожать его, как это часто происходило.

Ваше исполнение Чайковского считается эталоном.

- За это надо благодарить моего преподавателя Александра Гаука. Ему не было равных в искусстве передачи самой сути этой музыки, которой он сам блистательно дирижировал. Это был его любимый композитор. Он говорил, что Чайковского нельзя играть в сентиментальной манере, что страшнейшим предательством является интерпретация его музыки как приятно-утончённой и женственной, тогда как она выражает доблесть, трагизм и героизм. «Чайковский – новатор, а не эстет-западник», часто говорил Гаук.

Не считаете ли Вы, что на западе Чайковского исполняют «сентиментально», чтобы это звучало более « по-русски».

- Может быть. Но мы и сами, может быть, играли его так, если бы нам не «помешал» в этом Гаук.

Зачем Вам вентилятор на пюпитре, когда Вы дирижируете?

- Потому что я трачу много энергии, и мне жарко. Он всегда со мной.

Нам известно, что о Вас снимали фильм.

- И не один, а два, нет, три – последний фильм был снят два года назад, к моему шестидесятипятилетию. Первый был снят двадцать лет назад и называется «Дирижёр». Он даёт неплохое понятие о том, как дирижёр работает с музыкантами, и какую важность несёт в себе эта работа, и развенчивает превратное мнение о том, что дирижёр лишь размахивает руками, пока музыканты играют. Второй фильм, цветной, был снят десять лет назад. Мне очень польстило то, что меня превратили в телезвезду. Что касается третьего... Это уже просто стало привычкой! А если серьёзно, то все эти документальные ленты – прекрасны, и я очень рад, что они существуют.

Ваше исполнение французской музыки, особенно Дебюсси и Равеля, удивляет французов своей бодростью и свежестью.

- Вам оно кажется экзотичным? Я никогда не пытался имитировать ни Мюнша, ни Ингельбрехта, и у меня об этой музыке своё собственное представление. Мошковский назвал *Море* самой красивой партитурой всех времён. Такое знание колоритов, такой сплав инструментов, модуляций оставляют меня в полном изумлении. Я заинтересовался французской музыкой ещё в консерватории и дирижировал ею на протяжении всей моей карьеры. Я первым в России сыграл несколько шедевров французской музыки, таких как «Жанну д'Арк» Онеггера и «Турангалила-симфонию» Мессиана, а также Симфонию Дюка.

Когда дирижёр ещё и композитор, отличается ли он от других?

- Да. Появляется явно более субъективное отношение к музыке других. Произведения трогают глубже и могут воодушевлять или наоборот раздражать. В истории музыки есть множество примеров дирижёров-композиторов, чрезвычайно пристрастных. Одним из последних таких примеров является Бернштейн.

Что мотивирует Ваш интерес к музыке Малера?

- Эта музыка мне очень близка своей человечностью, выразительностью и языком. Она выходит за рамки простого национального характера. Это присуще всем великим творцам.

Значит Малер сочинял музыку для дирижёров?

- Здесь я совсем не согласен. Все дирижёры пытаются ею дирижировать, но у очень немногих это хорошо получается. Как и с Чайковским, здесь надо избегать всякой сентиментальности. Чайковский слушал в Германии *Евгения Онегина* под управлением Малера, и ему очень понравилась его дирижёрская работа. Он это отмечает в своей корреспонденции. Ведь Малер-дирижёр славился своей бережностью и верностью партитуре.

Есть ли что-то родственное между почерком Малера и почерком Чайковского?

- Я думаю, что абсолютно ничего. Чайковский оказал влияние на Шостаковича, но не на Малера. Шостакович признавался, что очень любил Малера и признавал отголоски его музыки в своей. Однако, не отрицая некоторую общность, надо признать, что их миры различны. В самых ранних произведениях Шостаковича уже явно прослеживается его авторский стиль. Если говорить о родственности, то надо исходить от Бетховена, через Чайковского к Малеру и замкнуть цепь Шостаковичем.

Какова роль народной музыки в творчестве Малера?

- Оно имело с ней тесную связь. В «Похоронном марше» из *Первой Симфонии*, который некоторые музыковеды склонны рассматривать как пародию, я скорее вижу влияние народной австрийской, венгерской, цыганской и даже еврейской музыки. Кстати, никто так мастерски не использовал *Länder*, как он.

А как следует интерпретировать юмористические моменты в его музыке?

- Со временем юмор Малера стал звучать всё резче и резче. За «*Burleske*» *Девятой Симфонии* скрывается острый сарказм.

Вы говорили, что «Восьмая симфония» кажется Вам самой сложной, а как Вы интерпретируете финал «Седьмой» ?

- Эта часть представляет проблемы архитектурного плана. Однажды я рискнул сократить несколько тактов, но это не разрешило проблемы. Здесь от дирижёра зависит, как будут звучать длинноты и повторения.

Выбираете ли Вы быстрый темп?

- Нет, я выбрал темп совершенно традиционный...

... тогда как вы завершаете «Третью Симфонию» в очень сдержанном темпе?

- Сохранить внутреннюю логику произведения в медленном темпе очень сложно. Для этого надо поддерживать публику в состоянии гипноза с помощью этой музыки в постоянном развитии. Я думаю, что именно этого желал Малер. И у Бернштейна это прекрасно получалось.

Ваше восхищение Бернштейном удивляет, ведь ваши стили так отличаются!

- Бернштейну довелось услышать первых дирижёров-исполнителей Малера, которые знали самого композитора. Мне, к сожалению, так не повезло. Создаётся впечатление, что душа Малера переселилась в Бернштейна. А я – русский музыкант и должен стараться своими силами передать свою любовь к этой музыке.

Были ли Вы обласканы советской властью?

-Нет, хотя я работал как мог. Я никогда не лицемерил, что не помешало мне получить всевозможные награды в Советском Союзе. Но мне никогда не были по душе наши власть имущие. Один Сталин – он или его советники – понимал, что культуру надо поддерживать на высоком уровне. Как это ни странно, эти времена были очень благодатны для развития культуры. Горбачёв тоже много сделал для культуры.

Однако музыкальные вкусы Сталина довольно спорны. Шостакович часто был обеспокоен.

- Виновниками этого были музыкальные советники правительства. Сталин часто ходил в Большой театр и очень любил русскую оперу. Но он был окружён людьми, которые давали ему дурные советы. Это очень сложный разговор.

Вы исполняли музыку Хренникова исходя из художественных аргументов или политических?

- И из тех, и из других.

Исполняете ли Вы Сибелиуса и Брукнера?

- Брукнера я записал и исполняю только *Восьмую симфонию*, мою любимую. Оркестр Концертгебоу в Амстердаме попросил меня дирижировать *Седьмой*. Что касается Сибелиуса, я исполняю только его *Первую симфонию*. Он из тех композиторов, как Берлиоз и Прокофьев, которых я люблю слушать, но не играть. Мой коллега Геннадий Рождественский очень хорошо дирижирует этим репертуаром. Таким образом мы друг другу не мешаем.

Вы не очень разговорчивы...

- Нет, я предпочитаю выражать себя в музыке.